

УДК 94(477)"18"
ББК 63.3(4Укр)46
Б45

Оформление переплета АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Беляков, Сергей Станиславович.

Б45 Тень Мазепы: украинская нация в эпоху Гоголя / Сергей Беляков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 768 с.

ISBN 978-5-17-120117-3

Сергей Беляков — историк, литературовед, автор биографии-бестселлера «Гумилев сын Гумилева» (премия «БОЛЬШАЯ КНИГА»).

Соединяя дотошность историка с талантом рассказчика, в новой книге «Тень Мазепы» он совершает, казалось бы, невозможное: фундаментальное исследование, основанное на множестве источников, оказывается увлекательнее романа. Здесь гетманы вершат судьбы Войска Запорожского и слышна козацкая речь, здесь оживает в ярких запахах, звуках, красках волшебный мир малороссийской деревни, здесь биографии великих писателей и поэтов — даже Шевченко и Гоголя — лишь часть общей биографии и судьбы... Здесь рождается нация.

«Я хотел доказать, что история национализма — это не сборник скучных “идейных” текстов, не история политических партий или движений, не эволюция политических программ. Это — интересный мир, полный страсти, энергии и творчества».

Сергей Беляков

УДК 94(477)"18"
ББК 63.3(4Укр)46

ISBN 978-5-17-120117-3

© Беляков С.С.
© ООО «Издательство АСТ»
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
© Государственный литературный музей, Москва

Оглавление

ЧАСТЬ I

География нации: граница и земли

7

ЧАСТЬ II

Имя и нация

55

ЧАСТЬ III

Этнография нации

86

ЧАСТЬ IV

Незалежность

159

ЧАСТЬ V

Нация и ее боги

224

ЧАСТЬ VI

Польский мир

272

ЧАСТЬ VII
Еврейский мир

316

ЧАСТЬ VIII
Русский мир

346

ЧАСТЬ IX
Там, на реках Петербурга

398

ЧАСТЬ X
Элита нации: карьера и фортуна

448

ЧАСТЬ XI
Нация и память:
Иван Мазепа в легенде и в истории

483

ЧАСТЬ XII
Цветы и корни

525

ЧАСТЬ XIII
Нация и Гоголь

575

Две сабли: вместо заключения

670

ЧАСТЬ I

География нации: граница и земли

С чего начинается Украина?

Где начинается Украина? Восточная граница современного украинского государства сложилась в двадцатые годы двадцатого века, когда на карте появилась Украинская Советская Социалистическая Республика. Штрихи к этой границе добавляли уже после смерти Ленина. Возвращали советской России Шахты и Таганрог, подаренные было советской Украине, передавали УССР русский Путивль. Решения о границе принимали тогда в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР, их визирует ЦИК СССР. В декабре 1991-го эта граница, прежде внутренняя, административная, стала государственной. Но мало кто из русских признает Донецк и Харьков чужими городами. Он скорее согласится отнести границу далеко на Запад — к Тернополю и Львову, в бывшую Восточную Галицию, польскую, потом австрийскую и снова польскую провинцию.

Но разве у соседних Волыни и Подолии меньше оснований называться украинскими землями, чем у Галичины? А Поднепровье, родина Тараса Шевченко? Запорожье, прославленное в народных думах, которые распевали слепые бандуристы еще полтора столетия назад? Или Полтавщина, которая подарила миру не только Гоголя, Гнедича, Боровиковского, но и Петлюру? Разве всё это не Украина?

«Идите от Москвы на юг, и вы увидите, что, постепенно находя изменения, за Десной и Семью вы перешли к народу, совершенно отличному от нас, чистых руссов. Язык, одежда, облик лица, жилища, мнения, поверья — совершенно не наши!»¹ — отмечал в 1830 году издатель «Московского телеграфа» Николай Полевой.

Для русских путешественников начала XIX века русско-украинская граница проходила не на Волыни или в Галиции, а много восточнее, где-то между малороссийским Глуховом и великорусским Севском: «Восхождение солнца мы видели в области хохлов, а захождению его кланялись в России»², — писал князь Иван Михайлович Долгорукий в 1817 году.

Князь всего-навсего покинул Черниговскую губернию и переехал в Орловскую. На его пути не было ни широкой реки, ни горного хребта. Однако «область хохлов» даже внешне отличалась от Великороссии. «Вместо ракитника по сторонам дороги красуются высокие развесистые вербы»³. Арбузы зреют не в барских оранжереях под присмотром садовника, а на баштане (крестьянской бахче). Даже вкус яблок и груш как будто совсем другой. Последнее отмечали не только украинцы, вернувшиеся на родину из Великороссии, но и русские путешественники⁴.

И все-таки две страны разделяла прежде всего не география, а этнография. На русско-украинской этнографической границе были и земли, которые трудно разграничить. Жители Северщины очень долго сохраняли особенности бытовой культуры и даже самоназвание «севрюки». Еще в середине

¹ Московский телеграф. 1830. № 17. С. 76. (Здесь и далее названия изданий, вышедших до 1918 года, даются в современной орфографии. — *Прим. авт.*)

² Долгорукий И.М. Путешествие в Киев в 1817 году. — М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. С. 191.

³ Шевченко Т.Г. Капитанша // Зібрання творів: у 6 т. Т. 3. Драматичні твори. Повісті. — Київ: Наукова думка, 2003. С. 293.

⁴ См.: Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Мое путешествие кое-куда 1810 года. — М.: Императ. о-во истории и древностей российских, 1870. С. 46.

XIX века славянофил Иван Аксаков уверенно писал: «Древняя Северия — не Малороссия»¹. «Северяки» к тому же носили бороды, что сближало их с русскими крестьянами — их восточными и северо-восточными соседями.

На севере Черниговской губернии жили белорусы и русские староверы, причем русские резко отличались не только своими традициями и одеждой, но и внешностью: «...великолепное раскольничье население, бодрое, богатое, промышленное: всё народ крупный и рослый, но несколько угрюмый и суровый на вид»². Зато южные уезды Черниговской губернии имели типично малороссийский облик: белые хаты, живописно разбросанные между холмов и долин, приветливо выглядывали «из-за зеленых садов своих»³.

К юго-западу от Севска, Рыльска, Белгорода постепенно исчезали деревни, застроенные бревенчатыми избами, нередко курными, то есть топившимися по-черному, без трубы⁴. Вместо них появлялись слободы, застроенные чистенькими мазанками, белеными известью изнутри и снаружи. «В первом селе Черниговской губернии уже беленькие хатки, соломой крытые, с дымярами, а не серые бревенчатые избы. Костюм, язык, физиономии — совершенно всё другое. И вся эта перемена совершается на пространстве двадцати верст. В продолжение одного часа вы уже чувствуете себя как будто в другой атмосфере»⁵, — замечал герой Тараса Шевченко.

Дорога в Харьков, столицу Слободской Украины, отмечена теми же приметам. Русский издатель, библиофил и путешественник Николай Сергеевич Всеволожский в 1836 году приехал в Белгород. На почтовом дворе «насилу разбудил двух малороссиян», те лениво запрягли лошадей и поехали. Прекрасный

¹ Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф.Пирожкова. — М.: Наука, 1994. С. 306.

² Там же. С. 310.

³ Там же. С. 305.

⁴ Впрочем, малороссийские хаты тоже бывали курными еще в начале XIX века.

⁵ Шевченко Т.Г. Капитанша. С. 293–294.

русский Белгород, «наполненный церквями и монастырями»¹, остался позади, начиналась другая страна: «Здесь чувствуешь уже совсем иную природу: ты вступил в Малороссию! Народ не тот, черты лица другие, почва земли, местоположения, всё принимает другой вид»².

Ивану Аксакову переход от Великороссии к Малороссии казался более плавным, постепенным. Только между Харьковом и Полтавой началась «настоящая Хохландия»³.

Другой климат, другая природа, другое жилье, другой народ. «Здесь я уже почитал себя в чужих краях»⁴, — признавался князь Долгорукий. В этой «чужой земле» он благодарил Бога не только за встречу с сестрой и зятем, но даже обрадовался русскому торговому мужику, который вез серу из Одессы в Москву. А уже на правобережной Украине, под Новомиргородом, князь увидел селение, основанное русскими крестьянами из Обояни, и «с удовольствием любовался на сарафан нашего покроя, какого уже давно не видал»⁵. Как будто и правда в другую страну приехал и нашел там соотечественников.

Славист Измаил Срезневский вырос в Харькове в те годы, когда этот город был центром украинской культуры. Учился в Харьковском университете, где преподавали не только русские и немцы, но и «природные малороссияне» вроде профессора Гулака-Артемовского, одного из основоположников современной украинской литературы. Срезневский увлекался украинской культурой, слушал кобзарей, записывал народные песни и думы, но оставался именно русским человеком. В шестнадцать лет он писал матери: «Вы знаете,

¹ *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. — М.: Наука, 1989. С. 108.

² *Всеволожский Н.С.* Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. Т. 1. — М., 1839. С. 11.

³ *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 1988. С. 401.

⁴ *Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами... С. 64.

⁵ Там же. С. 206.

маменька, как я любил слушать рассказы <...> о моей милой родине и о русских; я желал, подобно птичке полуденной, вскормленной на чуждой стороне, полететь на свою невиданную родину»¹. Значит, даже Харьков представлялся ему уже «чуждой стороной».

В отличие от людей XIX века, Лидии Яковлевне Гинзбург был доступен взгляд сверху, с низколетающего самолета, и различие двух миров, украинского и русского в ее описании даже нагляднее, чем у Аксакова, Всеволожского или Долгорукого: «...на воздушном пути из Украины в Россию вы видите с учебно-экскурсионной наглядностью, как кончаются белые, зеленые, сумбурные деревни, как начинаются деревни голые, деревянные, пополам разделенные дорогой»².

Украина и Малороссия

Эти слова в гоголевское время могли быть синонимами, а могли обозначать особые исторические области. Малороссия — это и все земли, населенные малороссиянами (украинцами), и только левобережье Днепра³, бывшая Гетманщина (территория Полтавской и Черниговской губерний). Украина в широком смысле охватывала все населенные украинским народом земли от Харькова до западных рубежей Волыни и Подолии. Но Украина в узком смысле — это всего лишь Поднепровье.

Тарас Шевченко не сомневался в единстве украинского народа и украинских земель, но даже он, случалось, подчеркивал превосходство его родного Поднепровья, именно его называя Украиной: «Бедная, малосильная Волынь и Подолия, она охраняла своих распинателей (польских шляхтичей. — С.Б.) в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрас-

¹ Из переписки И.И.Срезневского (1829–39 гг.) // Киевская старина. 1901. Т. 73. Июнь. С. 325.

² Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. — СПб.: Искусство, 2002. С. 146.

³ См.: Киевская старина. 1882. Т. 4. Октябрь. С. 119.

ная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начинала своим вольным и вражбим трупом неисчислимые огромные курганы. <...> ворога деспота под ноги топтала и свободная, нерастлен-ная умирала...»¹.

Волынь и Подолия, конечно, тоже украинские земли, да и зря Тарас Григорьевич упрекал их в слабосилии. Подольские левенцы во времена Хмельницкого были храбрцами и головорезами, отбивались от турок, татар и ляхов, ходили с войском Тимоша Хмельницкого воевать в Молдавию и Валахию. Но геополитическое положение этой страны было гибельным: до начала XVIII века она оставалась полем битвы между Польшей и Османской империей. Разоренная, обескровленная земля, которую в те времена не смогли освободить ни Войско Запорожское, ни регулярная армия русского царя.

Волынь очень долго была цитаделью православия. Именно здесь святое Евангелие впервые перевели на народный язык, который теперь называют западнорусским или староукраинским. На Волыни располагались владения Константина Острожского, великого просветителя и мецената. Острожский приютил у себя бежавшего из Москвы русского первопечатника Ивана Федорова, открыл школу, не уступавшую иезуитским коллегиям (тогда лучшим средним школам Европы), под его опекой и за его счет была создана Острожская Библия — первая печатная Библия православного мира. Но и Волынь оставалась под властью Польши до самого конца XVIII века. Там стояли замки польских магнатов, в многочисленных костелах пели *Te Deum*, а униаты уже не только славили имя папы Римского, но всё больше и больше подражали католикам даже в обрядах, одежде, манере держаться. Лишь в николаевское время развернулось масштабное контрнаступление русского православия. Греко-католиков вернули в православие, а в 1832 году, после стадвадцатилетнего перерыва, стены Почаевской лавры услышали настоящую православную обедню.

¹ *Шевченко Т.Г.* Прогулка с удовольствием и не без морали // Зібрання творів: у 6 т. Т. 4. Повісті. С. 266.

Однако последствия польского господства, долгих войн «за веру», гайдаматчины ощущались на правобережной Украине даже спустя много десятилетий после ее присоединения к России. В 1842 году профессор Погодин отмечал, что на правом берегу Днепра Малороссия имеет «уже другой характер»: селений мало, «кое-где видишь грязный шинок, и только»¹.

Украинские земли продолжались и к западу от российско-австрийской границы. Под властью австрийского императора, который по совместительству был и венгерским королем, жили русины Галиции, Буковины и Закарпатья. Закарпатских русинов в России называли карпато-россами и не причисляли к малороссиянам. Галиция находилась под иноземной властью со второй воловины XIV века, хотя все ее названия были связаны с Древней Русью. «Королевство Галиция» напоминало о Галиче, древней столице страны, некогда славной именами Ярослава Осмомысла и Даниила Галицкого. Слово «Лодомерия» отсылало к городу Владимиру (Владимиру-Волынскому) и к памяти равноапостольного князя. Наконец, во времена Речи Посполитой на землях Галиции располагалось Русское воеводство, а в России писатели, этнографы, историки называли эту страну Червонной Русью. Но пусть не смущают читателя слова «Русь» и «русские», они здесь обманчивы. Землевладельцами там были поляки, городское население составляли поляки и евреи. В XVII веке войска Богдана Хмельницкого занимали почти всю Галицию и брали в осаду Львов, но не сумели освободить. В начале XVIII века видела Галиция козаков² гетмана Мазепы, однако и те вынуждены были оста-

¹ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. Т.2. / изд. подгот. В.И.Виноградов. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 481.

² Чтобы не путать казаков русских (донских, терских, уральских) с казаками украинскими, мы будем называть последних по-украински «козаками», а слово «казачий» там, где это допустимо, заменять на «козацкий». Так поступал еще Николай Васильевич Гоголь, начиная с первых изданий «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Будем следовать здесь гоголевской традиции. Исключение — цитаты из документов и художественных произведений.

вить Червонную Русь в польских руках. При разделах Речи Посполитой Русское воеводство досталось империи Габсбургов. Но многочисленное крестьянское население Галиции не забыло своего родства с народом Украины. Русские и украинские ученые удивлялись, до чего же «червонорусские» села походили на малороссийские.

По словам фольклориста Платона Лукашевича, Галиция уже в тридцатые годы XIX века отличалась даже большей приверженностью ко всему украинскому, чем собственно Малороссия. Галичане, правда, исповедовали униатство, но приезжий этнограф с удивлением замечал, что «нравы и обычаи их нисколько не разнятся от малороссийских»¹. Более того, галичане даже лучше знали и охотнее пели украинские народные песни и всячески подчеркивали свое родство с украинцами из России.

Из книги Платона Лукашевича «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни»: «Украина, Малороссия, есть для их сердца обетованная земля, куда стремятся все их помыслы и думы. С какою заботливостью галичанин расспрашивает заезжего из России гостя о судьбе своих братьев украинцев, он с радостью разделит с ним свою убогую трапезу, чтобы узнать что нового об украинских казаках»².

Но время Галиции пока не пришло. Это все-таки была далекая окраина украинского мира. Власти Австрийской империи еще не пытались использовать русинов как противовес полякам Галиции, а потому эффективно давили все проявления национального возрождения. «Зорю», первый альманах, подготовленный местными просветителями-русинами в 1834 году, цензура запретила. Новый альманах «Русалка Днистровая» удалось напечатать в Пеште. Событие было важное: авторы «Русалки» писали на народном языке, то есть на диалекте украинской мовы, распространенном в Галиции. Они впервые использовали фонетическое письмо (на основе кириллицы). Но как только

¹ *Лукашевич П.* Малороссийские и Червонорусские народные думы и песни. — СПб.: Тип. Эдуарда Пгаца и К, 1836. С. 107.

² Там же. С. 103–104.

тираж привезли во Львов, альманах был запрещен. До читателя дошло сто или двести экземпляров. Один из создателей альманаха, поэт Маркиан Шашкевич, вскоре умер в нищете и неизвестности. Только в 1848-м, через одиннадцать лет после издания, запрет удалось снять.

Исторические земли — понятие текучее, непостоянное. История меняет и политические, и этнографические границы. Древняя Иония, родина Гераклита и Геродота, становится побережьем турецкой Анатолии. Рашка, в Средние века центр сербской государственности, превращается в албанское Косово. Южная Венгрия становится сербской землей Воеводиной.

Императрица Екатерина ликвидировала Запорожскую Сечь, раздала земли русским и малороссийским помещикам, немецким колонистам и даже молдаванам и сербам. Запорожье стало частью обширной и богатой Новороссии. Но эта же императрица подарила запорожцам новую землю. Если Галиция, Буковина и Закарпатье были западной окраиной украинского мира, то окраиной юго-восточной можно назвать Тамань и низовья реки Кубани.

На правом берегу Кубани (левый был еще во власти воинственных черкесов — адыгских племен) появилась новая Малороссия. Даже город Екатеринодар, столица Черноморского войска, в первой половине XIX века напоминал большое малороссийское село, беспорядочно застроенное обычными украинскими хатами-мазанками¹. Помимо этих мазанок и общественных зданий в Екатеринодаре построили сорок куреней-общежитий для холостых козаков². Такие курени стояли прежде на Сечи³.

Долгое время на Кубани существовало и старинное запорожское деление на курени, а не на станицы. «Черноморцы говорят

¹ См.: *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. — М.: Вече, 2014. С. 37.

² См.: Киевская старина. 1882. Т. 1. Январь. С. 207.

³ Курень — это и общежитие, точнее — казарма для козаков, и административная единица, вроде донской станицы. Чтобы не путать те и другие курени, историк Лазаревский называл последние «куренными селами». См.: Там же. С. 207.